

"КРИТИКИ (подобные Бенуа) западное искусство превратили в глыбу и стали им накапывать, стали душить новое в русской живописи. Мы им открыли это новое в западной живописи. Мы выли и кричали, восхисясь Сезанном, Гогеном и Ван Гогом — кои открыли нам глаза — не к подражанию, а на возможность свободы. Молодое русское искусство встало на ноги — у Запада и в искусстве великом народном нашей отчизны — мы научились одной великой истине: что нет определённого понимания формы, линии, цветовой инструментки. Что надо бояться авторитетов. Что надо верить и в своё искусство, и в искусство своей родины. Что Россия не есть художественная провинция Франции!" — кипел Давид Бурлюк в своей брошюре "Галдящие "белуа" и новое русское национальное искусство".

Он был сложным и непредсказуемым человеком: возмутителем спокойствия — и горячим патриотом, врагом всего старого-отжившего — и знатоком иконографии, богемным фанфароном — и крепким семьянином, всю жизнь любившим одну даму сердца, жену Марусю. Давид Бурлюк то хлёстко раздавал "пощёчины общественному вкусу", то углублялся в изучение народных традиций. Поэт, художник, теоретик. С одной стороны, грубые четверостишья: "Каждый молод молод / В животе чертовский голод / Все что встретим на пути / Может в пищу нам идти". Именно это стихотворение было процитировано Алексеем Толстым в романе "Хождение по мукам". Вариация на тему предреволюционного декаданса и деграданса. Будем лопать пустоту! С другой стороны, Бурлюк выдавал томно-лирические строки: "Ты богиня средь храма прекрасная, / Пред Тобою склоняются ниц. / Я же нищий — толпа безучастная / не заметит меня с колесниц".

Родом он из Харьковской губернии. Отец — агроном-самоучка. Мать — хозяйка дома. Происхождение — польско-малороссийское, да ещё и с казацкими корнями. Детство было задиристобуйным: родной брат случайно выбил Давиду глаз — игрушечная пушка тоже опасная вещичка. С тех пор Бурлюк ходил со стеклянным оком, что впоследствии сделалось частью его имиджа — в Серебряном веке предпочитали всё необычное.

«Красный полдень». Художник Давид Бурлюк. 1918 г.

Парнишка довольно рано пристрастился к рисованию, а родители не стали препятствовать формированию таланта. Бурлюк обретал умения за границей, например в модной школе Антона Ажбе, где учились такие будущие титаны, как Игорь Грабарь и Кузьма Петров-Водкин. Вдоволь помотавшись по Европам, юный Бурлюк вернулся в Россию и тут же сошёлся с нонконформистами. Он познакомился с Владимиром Маяковским в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. К слову, если бы Маяковским не овладела поэзия, он мог бы стать первоклассным живописцем. Друзья принялись фраппировать почтеннейшую публику — тогда это считалось шиком у интеллектуальной молодёжи. В знаменитом манифесте "Пощёчина общественному вкусу" Бурлюк вместе с Маяковским, Хлебниковым и Кручёных призывал "бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и с Парохода Современности". Сочинял этакое: "Душа — кабака, а небо — рвань, / Поэзия — истрёпанная девка, / А красота — кошунственная дрянь..." Молодые футуристы зате-

правились в Уфу (где бывал и ранее), а затем — на Дальний Восток. Писал картины, устраивал лекции, организовывал кружки. Но затем... перебрался в Японию, а оттуда — в Соединённые Штаты. Поэтому он везде значится как "русский, американский художник XX века".

ВДОМЕ русского зарубежья, что на Таганке, сейчас проходит выставка, посвящённая "башкирскому циклу" Давида Бурлюка. Все произведения датированы 1915–1918 годами. Здесь нет никакой "пощёчины общественному вкусу", зато видна прееотличная школа живописи. Это не реализм, но сплав стилей, где сильнее всего звучат импрессионистские ноты. Разве что "Красный полдень" и "Казак Мамай" — это творческое новаторство, игра с цветом и формами.

Давид Бурлюк всегда интересовался этнографией, а в Уфе и её окрестностях у него была возможность изучить нравы и обыкновения сразу нескольких народов — башкир, татар и веками живущих

ЛИРИКА ЭПАТАЖА

«Башкирский цикл» Давида Бурлюка в Доме русского зарубежья

вали перформансы, например в ходу был боди-арт. Они разрисовывали свои физиономии и выходили на центральные улицы. В манифестах объяснялось, что раскраска лица — это связь искусства с жизнью. За хулиганские проделки Бурлюка и Маяковского позорно изгнали из училища, но это их не окоротило.

Выставки, диспуты, лозунги, скандалы... Так прокладывал себе путь русский футуризм, который был заимствован из Европы, но по своей глубинной сути отличался от западного. Наш футуризм — это не столько форма, сколько общественно-политический протест, неслучайно большинство футуристов приняла революцию. Стремление к будущему — через слом системы. Бурлюк после революции от-

рядом с ними великороссов. Уфа — пёстрый котёл и сосуществование религий. Вихрь евразийства! Все друг у друга перенимали обычаи — от вышивко до праздничных блюд. Случались и смешанные браки. На картине "Мальчик и девочка" мы видим русского пареня и татарскую отроковицу. Быть может, детская дружба перерастёт в любовь?

Бурлюк часто ездил по деревням: в экспозиции представлены сельские пейзажи — неброская природа, реки Ай и Агидель, озёра, хвойные леса. Художник приглядывался к крестьянскому быту, делая эскизы построек. Великолепна картина "Татарский двор", где на переднем плане роскошные полотенца, которые в праздновании Сабантутя играют важнейшую роль. Чуть далее — стройный минарет с полумесяцем. Композиция точна и выверена. Ничто не диссонирует. Тот же минарет мы наблюдаем и в других сюжетах — Бурлюк писал натуру с нескольких ракурсов.

Кроме того, ему позировали жители в своих национальных уборах — тому пример "Голова татарки". На женщине так называемый калфак, покрытый широким платком. Причём калфак в разных областях отличался друг от друга, и казанский вариант — совсем не тот, что в Уфе. Художник стремился передать красоту увиденного, остановить мгновение. На выставке множество эскизов, зарисовок, мимолётных впечатлений. Картины и рисунки дышат умиротворением.

Эпатаж и буза не являлись для Бурлюка самоцелью — он умел быть консервативным лириком. Его работы "уфимского периода" говорят о том, что талантливыи мастер вовсе не увядает в провинции, вдали от громких событий, а лишь оттачивает своё мастерство. Бурлюк умел изображать глаза — все его "Молодые башкиры", "Девушки в платках", "Девочки-татарки" смотрят на нас, как живые.

Не менее хороши натюрморты Бурлюка, допустим, "Букет жёлтых цветов". Прекрасна подача света — всё залито солнцем, дарующим радость. Интенсивно-жёлтые купальницы — эти милые цветочки — помещены в синий кувшин, а, согласно колористической теории, синий цвет лучше всего "раскрывается" близ жёлтого. Тут же — традиционные татарские полотенца с аллой вышивкой по белому полю. Буйство красок — всё сочно, густо, но в то же время — воздушно.

"Расцветшая сирень" — это изысканное созвучие бледноватых гроздей и ярко-полосатого коврика. Давид Бурлюк остро чувствовал контрасты — они его подогревали и бодрили. Букет помещён в стеклянный сосуд — он тёмн, тогда как верхняя часть полотна — освещена, а потому вся композиция словно бы разделена по диагонали. А тут ещё одна "Сирень" — на этот раз букет оттеняет оранжевую драпировку, а на переднем плане — полупрозрачный флакон парфюма, принадлежащий супруге Бурлюка.

КСТАТИ, о семейной идиллии! В отличие от своего друга Владимира Маяковского, что вечно влюблялся в писаных красавиц, вроде Татьяны Яковлевой или в роковых фаимм-фаталь, тила Лилечки Брик, наш герой был гораздо более скромн в отношениях с дамами. Давид Бурлюк женился на своей подруге детства — Марии Еленевской, студентке московской консерватории. Маруся, как называл её Бурлюк, стала не просто женой и музой, но и соратницей мужа — она участвовала во всех его проектах, скрупулёзно собирала все эскизы, стихи и письма, поддерживала и подбадривала, когда что-нибудь не получалось.

Творческие люди капризны, и Марусенька честно терпела все эскапады Бурлюка. Он же отвечал ей преданностью. "Одною счастливи жёнкой — она любви уде", — признавался Бурлюк в одном из стихотворений. На выставке много её портретов. Она не отличалась выдающейся привлекательностью — обычное лицо, полноватая фигура, широкая кость. Гении Серебряного века en masse не признавали общности, ища в своих подругах шик, блеск и демонизм. Тут же — ничего из искомого. Бурлюк сумел выделиться ещё и этим — он предпочитал "крепкий тыл", пока другие мучились от безудержных страстей.

Вот она в жёлтом платье на фоне окна. Простенкая причёска, из украшений — лишь белый воротничок. Но глаза — голубые озёра, и тёплый взгляд, обращённый к зрителю. Вот Маруся в синем наряде и в кокетливой шляпке. "Портрет женщины с мальчиком" — супруга с Бурлюком-младшим, тоже Давидом. Карандашный набросок "Марусины ручки" — вроде банальная зарисовка, но сколько тут любви!

Больше того, Бурлюк создал несколько портретов Марии в жанре "ню". Эти картины то серьёзны — в духе академической живописи, то гривуазны. Примечательно, что художник писал обнажённой только свою Марусю, если, конечно, не считать натурщиц, что позировали ему в годы учёбы. Умна, терпелива, заботлива была Мария Никифоровна. То был удивительный сплав уважения, восторга и обожания.

Причина, по которой Давид Бурлюк покинул Советскую Россию, до сих пор в точности неясна. Есть версия, что он восхотел нести знамя футуризма в те страны, где об этом течении знали крайне мало. Действительно, Япония и США пребывали вне этих творческих бурь. Однако есть и вариант попроче — мастеру не пришлось по душе Гражданская война с её пертурбациями и кровавым месивом. Он, завыи всех к обновлению, оказался не готов к такому повороту событий. Подавляющее большинство товарищески-футуристов приняли этот вызов, а Маяковский и вовсе сделался поэтом номер один. А Бурлюк всё же склонялся к мирной бытности и семейным ужинам. Безусловно, он испытывал жгучую ностальгию и по памяти писал русские пейзажи. Будучи стариком, дважды гостил в СССР, но так и не вернулся. У каждого свой путь, а нам остаётся процитировать Владимира Маяковского: "Лез, обезумев, Бурлюк, / Почти окровавив исслезённые веки, / Вылез, встал, пошёл и с нежностью, неожиданной в жирном человеке, / взял и сказал: "Хорошо!"

Галина ИВАНКИНА

АНАТОЛИЙ

Васильевич Луначарский (11 (23) ноября 1875 г. — 26 декабря 1933 г.) навсегда остался в истории как первый народный комиссар просвещения РСФСР, но с его именем связаны не столько количественные или качественные достижения в образовательном процессе (хотя уровень грамотности населения страны к 1929 году, времени его ухода в отставку с поста "наркомпроса", повысился практически вдвое, до более чем 60% по сравнению с 30% в 1917 году, то есть за 11 послереволюционных лет читать и писать в нашей стране научились около 50 миллионов человек; при нём были открыты десятки высших и средних специальных учебных заведений), — сколько само становление новой советской культуры, литературы в особенности, сохранившей и развившей в себе лучшие дореволюционные традиции и по итогу ставшей одним из самых значимых факторов мировой культуры XX века.

Раньше были широко известны слова В.И. Ленина: "Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые вырабатало человечество". А на практике выполнение этого тезиса Советская власть доверила Луначарскому. Будучи "на редкость богато одарённой натурой" (определение Ленина), "человеком исключительной культуры и эрудиции" (характеристика президента Академии наук А.П. Карпинского), владея основными европейскими языками, а также латынью, обладая энциклопедическими знаниями и, благодаря годам эмиграции, широким кругом общения не только с отечественными, но и с зарубежными деятелями политики, науки и искусства, Анатолий Васильевич играл видную роль в российском революционном движении, а с 1903 года — в партии большевиков (его официальный партийный стаж в РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) исчислялся с 1895 года).

Вышедшая в "молодогвардейской" серии ЖЗЛ биография Луначарского, написанная Юрием Боровым, давала (от лица В.Д. Бонч-Бруевича) такую оценку жизненного пути будущего наркома просвещения к его тридцатилетию: "Радикальная настроенная семья, изучение марксизма ещё в гимназии, участие в ссодках и в революционной агитации, аресты, ссылки в Вологду и Тотьму, изучение естествознания и философии в Цюрихском университете, знакомство с Ковалевским, Плехановым, Аверанусом. На таком мятежном жизненном пути можно было накопить и духовное богатство, и интеллигентность, и эрудицию. А уж его позиции и мировоззренческие установки — это ленинское влияние".

ОБ ИДЕАЛЕ жизнеустройства, который исповедовал Луначарский, можно судить не только по его словам: "Социализм есть совокупность необычайно разнообразных, сложных ... оригинальных индивидуальностей, в конечном счёте объединённых в человечество, в этом максимально разнообразном и максимально гармоническом, насквозь сознательном и счастливом целом", — и не только по делам в доверенных ему большевиками сферах образования и просвещения, науки, литературы, театра, кино, издательского и музейного дела. Может быть, не меньше о его человеческой сути говорят строки из датированного 24 октября (6 ноября) 1917 года (т.е. буквально за день до Великой Октябрьской социалистической революции) письма жене, Анне Александровне Малиновской, младшей сестре друга Луначарского А.А. Малиновского (Богданова) (Луначарский — в

Петрограде, куда приехал через Швецию в мае, жена с сыном — ещё в Швейцарии): "В сущности, и у П(етроградского) С(вета) р(абочих) и с(олдатских) д(епутатов), и у Вр(еменного) прав(ительства) мало сил. Но Вр(еменное) пр(авительство) совсем не может справиться с ужасающими задачами дня: у него нет даже программы. У Петр(оградского) Сов(ета) есть программа. И притом единственная рациональная. Хватит ли у Советов силы взять власть? — Очень возможно, что да. Хватит ли у Советов силы спасти Россию и революцию? — Вероятно, нет. Но хоть какие-нибудь шансы-то тут имеются, а у ка-

Человек живёт не для того, чтобы трудиться, но он трудится для того, чтобы жить по-человечески. В этом признании человеческой природы заключается его божественность, его достоинство, которым он отличается от животного..."

В историческом образе Луначарского присутствует его "богостроительство", от которого он, ученик Аверануца, по большому счёту никогда не отступал ("Маркс и Энгельс придали экономическому и социальному прогрессу "высокую идеалистическую ценность, можно сказать, религиозную ценность"), проповедуя идею "коллективного коммунистического

комфортом и достатком, всячески продвигал её театральную и кинематографическую карьеру (их брак называли "союзом двух бездарностей"), имея в виду драматургические произведения Луначарского и артистические способности Сац-Розенель). На постановку в 1927 году пьесы Луначарского "Бархат и лохмотья", где главную роль играла его жена, Демьян Бедный сочинил эпиграмму:

*Цена в искусстее рублики,
Нарком наш видит цель:
Дарить лохмотья публике,
А бархат — Розенель.*

КОМИССАР КУЛЬТУРЫ

К 150-летию Анатолия Луначарского

детов — никаких. Они, в сущности, ведут всё к краху и надеются только "уцелеть" и стать англо-американским приложением колонизированной России..." Участвуя в советском правительстве (из письма жене от 13 (26) ноября 1917 года: "Новая власть, глубоко народная, при всех своих ошибках"), Луначарский понимал не только то, что рискует собственной жизнью, но и то, ради чего это делает. Из других писем жене в те "десять дней, которые потрясли мир": "За портфель, конечно, не держусь: без него в миллион раз сподручнее"; "Погибнуть за нашу программу — достойно. Но прослыть виновником безобразий и насильий — ужасно... Наши ведут себя почти повсюду образцово. Все обвинения оказываются обыкновенными вздорными слухами"; "Каким кольцом ненависти мы окружены! Как тяжело"; "Я пойду с товарищами по правительству до конца. Но — лучше сдача, чем террор. В террористическом правительстве я не стану участвовать (подчёркнуто Луначарским. — Авт.)".

Трудно даже представить ту бездну ежедневной рутинной работы, которую выполнял на протяжении более чем десяти лет Луначарский: от разного рода мероприятий в своём официальном статусе до решения личных проблем просителей, вплоть до выделения "академических" пайков и организационных поездок за границу. Из воспоминаний К.И. Чуковского о питерском периоде работы наркома просвещения: "Я знал, что он работает чуть не по двадцати часов в сутки, часто забывая поесть, недосыпая по целым неделям (согласно иным свидетельствам современников, Анатолий Васильевич, действительно, спал по три-четыре часа в день. — Авт.). А то, что под угрозой своей отставки он защищал от сноса храм Василия Блаженного или что отговориwл Ленина от закрытия Большого театра как "насквозь буржуазного", или участие в организации "философских пароходов" 1922 года, — только штрихи к портрету человека, которого, по аналогии с известными пушкинскими словами о Ломоносове, даже называли "первым советским университетом" и который определял собственную функцию в том, чтобы служить "глазами и голосом" народа — того народа, который был в прошлом, есть в настоящем и продлится в будущем. "Для нас эта революция заключается не в том, чтобы сбросить с себя труд, ибо вне труда жизнь есть пустой звук. Идея наша не в том, чтобы не работать, но в том, чтобы работа была распределена правильно.

бессмертия" — философии, раскритикованной Лениным в книге "Материализм и эмпириокритицизм". ("Луначарский даже "примыслил" себе боженьку", — негодовал Владимир Ильич в ходе этой "товарищеской войны") и зачастую ассоциируемой с религиозным "богоискательством" русской интеллигенции предреволюционных лет.

Вообще, в его фамилии есть нечто завораживающее, некие "чары Луны" и что-то ещё близкое отечественному Серебряному веку начала прошлого столетия с сопутствующим декадансом (да и уж кем-кем, а аскетом Анатолий Владимирович не был от слова совсем). Но происхождение этой фамилии куда более прозаично, хотя и запутанно: дедом по отцу будущего наркома просвещения значился шляхтич Фёдор Чернолуцкий, давший незаконнорождённому сыну Василию свою изменённую фамилию. Жена же Василия Фёдоровича, урождённая Ростовцева, родила своего четвёртого сына Анатолия не от мужа, а от управляющего Нижегородской контрольной палаты действительного статского советника Александра Ивановича Антонова, к которому и переехала, когда ребёнку исполнилось четыре года. Казалось бы, все эти матримониальные "тонкости" можно было использовать как символическое свидетельство принципиальной "незаконнорождённости" всей советской культуры, но публичных соображений подобного рода сторонились даже самые ярые отечественные и зарубежные критики советской власти: все действия Луначарского что до, что после Великого Октября, не говоря уже о достигнутых результатах, располагали как минимум к уважению.

КРИТИКИ ставят в вину Луначарскому "барство", образ жизни после окончания Гражданской войны и утверждения Советской власти, противоречащий его же словам: "Есть масса паразитов, тунеядцев, которые искажают образ человеческий в том отношении, что только наслаждаются, ничего не творят, отчего атрофируется творческая сила их духа. Они подобны паразитам, которые теряют постепенно и ноги, и крылья и превращаются из насекомых только в мешок, питающийся чужим организмом. Это величайшее безобразие, ...сколько бы оно ни украсилось яркими художественными утончёностями. ...Оно заражает всю жизнь". Подтверждением тому считается его второй брак с актрисой Наталией Александровной Розенель (урождённой Сац), заключённый в 1922 году. Нарком окружил молодую жену максимальным

Анатолий Васильевич Луначарский на V Всероссийском съезде Советов. 1918 г.

На что немедленно получил ответ адресата эпиграммы:

*Демьян, ты мнишь себя уже
Почти советским Беранже.
Ты, правда, "б", ты, правда, "ж",
Но всё же ты не Беранже.*

минать его слова: "Правда — она не похожа на себя самоё, она не сидит на месте, правда летит, правда есть развитие, правда есть конфликт, правда есть борьба, правда — это завтрашний День".

Николай КОНЬКОВ